

Благодарю судьбу

— Знаете, не было ни одного спектакля, на котором бы я не волновался... Я еще только вхожу в театр, только слышу, как оркестр настраивает инструменты, — и вновь подступает волнение, будто сегодня мой дебют...

Это говорит не юный актер, только что познавший трудный праздник театра. Говорит Владимир Ефимович Володин, прекрасный известный омич актер, заслуженный артист республики, — говорит в канун своего юбилея, достаточно солидного: 60-летие и 40 лет на сцене, 25 из которых — в Омском театре музыкальной комедии.

Юбилейный вечер Володина — завтра. Это будет праздник для театра и зрителя, хотя «Сорочинская ярмарка» стала уже очередным представлением и утихло оживление, сопутствующее премьере. И виновник торжества, который выйдет к зрителю в необычной для оперетты роли гоголевского Черевика, ответит на эту праздничность вечным юным волнением дебютанта...

Накануне юбилейного вечера мы беседовали с Владимиром Ефимовичем об его долгом актерском пути, о том, чем были полны эти сорок лет, и о том, что видится впереди.

— Как вы пришли в оперетту, Владимир Ефимович?

— Все началось с «Живой газеты», в рабочем клубе, в моем родном Кременчуге. Меня затянул на представление, которое устраивали синемлузники, мой товарищ. Меня, тогда еще школьника, увлекла «Живая газета» — сначала как зрителя, вскоре как участника. Этот агитационно-художественный жанр похож на оперетту — так же синтетичен: декламация, пение, танец, патетика, лирика, сатира — все рядом, все вместе. Потом, когда я работал прядильщиком на Прилуцкой суконой фабрике, мне повезло: в фабричном клубе самостоятельностью руководила бывшая опереточная актриса Бухарина, она угадала во мне не только будущего актера, но и мое амплуа. В Прилуках я стал учащимся театральной студии. Мы ставили и драмы, и фрагменты из оперетт, и даже небольшие балеты... На одном из спектаклей меня увидели актеры из Воронежского театра оперетты, приехавшего в Прилуки на гастроли. — директор нашел меня за кулисами и пригласил в свою труппу...

Владимир Ефимович рассказывает о том, как трудно и увлечательно прожил в Воронежском передвижном театре 14 лет. Начинать с «бобиков», создававших фон герою в венских опереттах, потом стал играть простанов, не боялся и непривлекательных для молодого актера характерных ролей. Рассказывает о том, как быстро и властно театр заполнил его жизнь: он не покидал кулис и тогда, когда не был занят в спектакле, волновался за товарищей, знал наизусть либретто классических оперетт; не заду-

мываясь, соглашался на внезапные вводы, если надо было кого-то заменить...

В 1946 году Володин перешел в сталинградскую оперетту. Вскоре Александр Юрьевич Егентов, которому было поручено сформировать коллектив нового, Омского, театра музыкальной комедии, увлек его за собою в Сибирь. С тех пор Омский театр стал главным в жизни актера...

— Четверть века на одной сцене, в одном коллективе — хорошо это или плохо?

— Я уверен, что хорошо. Двадцать пять лет в этом коллективе дали мне много. У нас театр ансамбля, о наших спектаклях не говорят как о спектаклях одного, двух актеров. Общий стиль, общий творческий почерк, отнюдь не исключаящий проявления актерской индивидуальности, — ценное завоевание театра. Много значит, когда один режиссер долго работает с актером: он имеет возможность руководить его формированием, вовремя угадать в его даровании еще неведомую зрителю грань... Я многим обязан Лии Давыдовне Ротбаум, с которой начинал работать в Омске, и Арнольду Израилевичу Паверману, с которым работаю давно. И всему нашему коллективу, где зрелые и молодые учатся друг у друга.

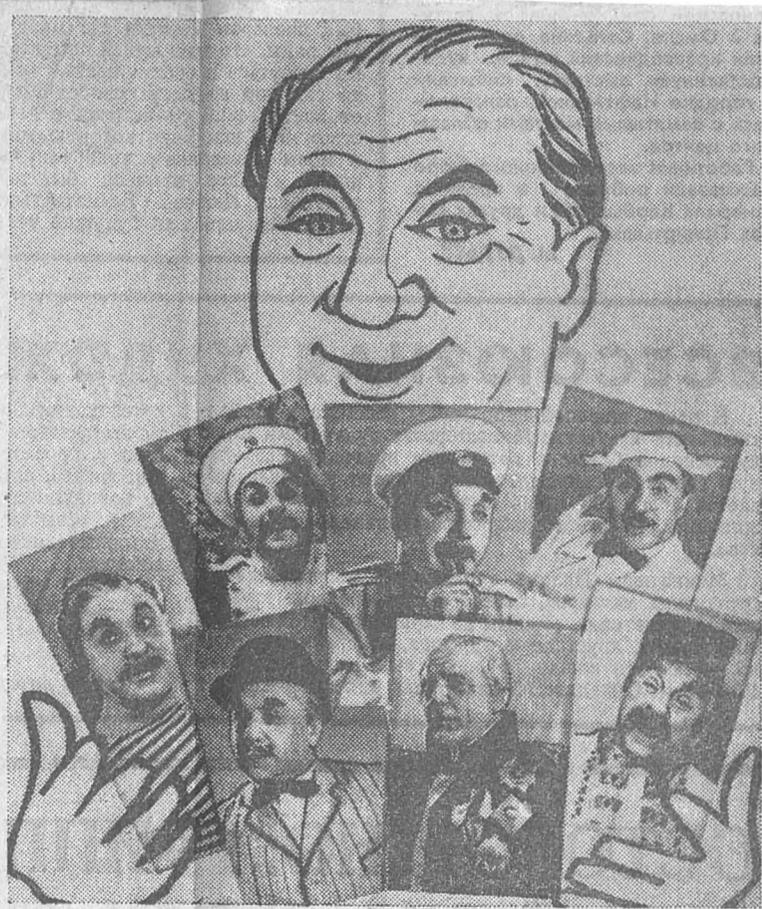
— Трудно, наверное, назвать несколько любимых ролей из сотен сыгранных, — и все-таки?

— Трудно, конечно: сыграно около трехсот, и каждой отдана частица сердца, каждая по-своему дорога... И все-таки... Самые любимые, пожалуй, — Кутузов в «Голубом гусаре», Крупица в «Рассвете над Иртышом», Ботман в «Севастопольском вальсе», Сусик в «Трембите». И вот теперь — Червик в «Сорочинской ярмарке».

— Все персонажи из советских оперетт?

— Да. Именно они сформировали меня как актера, их я считаю этапными для себя... Пожалуй, ни один театр не подвергался таким экспериментам, такой трансформации, как театр музыкальной комедии. Он и сейчас в пути — до сих пор идут споры о главном в оперетте: лирика, сатира или героика? Советская оперетта доказывает, что возможен крепкий сплав трех этих компонентов, — возмите ставшую классикой «Вздыбу в Малиновке» или новую, столь неожиданную, музыкальную комедию «Василий Теркин». Наш театр всегда отдавал предпочтение советскому репертуару, и зритель тепло встречает лучшие наши спектакли. И вот если говорить о заветном — мне бы очень хотелось сыграть в музыкальном спектакле, посвященном сегодняшнему рабочему, — ждем такой драматургии.

— Владимир Ефимович, вот вы впервые вышли на сцену с коллективом синемлузников — в боевом жанре, предполагающем тесный, живой контакт с публикой. А в профессиональном театре — достаточно ли ак-

Дружеский шарж В. РЕЗНИЧЕНКО.

теру только того контакта, который возникает между ним и зрителем на спектакле?

— Ни в коей мере. Актер должен встречаться со своим зрителем не только в театре — иначе не будет настоящего знания жизни и людей. Художник не имеет права на общественную пассивность. Я себе не представляю жизни без общественной работы. Много лет меня в театре избирали секретарем парторганизации, председателем месткома, я был депутатом областного Совета, сейчас — депутат районного, Куйбышевского. Жизнь не может приносить полного удовлетворения, если замкнуться в профессиональных рамках. Надо идти к людям. Я с радостью участвую в творческих встречах, которые проводит театр. С удовольствием читаю лекции о развитии жанра музыкальной комедии — в заводских цехах, в молодежных общежитиях, в сельских клубах. И, знаете, наверное, не меньше, чем званием заслуженного артиста РСФСР, горжусь знаком «Отличник культурного шефства над селом», которым меня недавно наградили Министерством культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

— И последний вопрос, Владимир Ефимович. Никогда за эти сорок лет не возникало у вас сомнения, что тот, сделанный в юности, выбор был единственно верным?

— Никогда. Безумно люблю театр вообще, а театр оперетты — в особенности. Уже говорил, что не представляю себя в театре, где меня не встречали бы волнующие звуки оркестра, настраивающего инструменты. Не представляю себя вне театра: хочется работать и работать, пока могу помогать людям укрывать их жизнь, пока, выходя на сцену, встречаю теплоту зрительного зала. Благодарю судьбу за то, что она именно так распорядилась мною.

28 ЯНВ 1973